

КРАМОЛА ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ и публикационной этике в научных изданиях по проблемам образования в России

Виктор Павлович Лукьяненко,
*доктор педагогических наук, профессор кафедры
теории и методики физической культуры и спорта
Северо-Кавказского федерального университета,
г. Ставрополь, viktor246@mail.ru*

В статье осуществлена попытка демифологизации некоторых незыблемых требований и правил, характеризующих издательскую политику, публикационную этику и качественный уровень научных изданий. С нестандартных позиций рассмотрены проблемы плагиата. Показана недостаточная обоснованность предпочтений статьям, основанным на экспериментальном материале, по сравнению с работами обзорно-аналитического, научно-публицистического характера в ведущих журналах по педагогике и образованию, которые, по мнению автора, требуют своего серьёзного переосмысления в современной российской издательской практике. Особое внимание уделено изучению роли научных периодических изданий педагогической направленности в преодолении глубокого системного кризиса, в котором находится образование России.

• педагогическая наука • периодические научные издания • публикационная этика • плагиат • фабрикация • фальсификация • качество научных публикаций • кризис образования • соотношение науки и публицистики

В соответствии с миссиями современных журналов, публикующих научные статьи по проблемам педагогики и образования, их главное предназначение заключается в пропаганде инновационных, креативных и нестандартных подходов к исследованию и решению проблем современного образования, в определении векторов его дальнейшего развития.

В качестве одной из важнейших целей периодических изданий

декларируется необходимость формирования нового, более широкого взгляда на проблемы современного образования, повышение уровня исследований посредством активного использования передового отечественного и зарубежного опыта, интеграции достижений разных наук и областей знаний.

Как известно, публикационная этика предполагает неукоснительное соблюдение этических стандартов в процессе публикационной активности, которые нужны для

обеспечения гарантии высокого качества научных публикаций, доверия к научным изысканиям, авторам и научным изданиям со стороны педагогического сообщества и общества в целом.

Для реализации всего этого необходимо:

- не заниматься плагиатом;
- не подавать одну и ту же рукопись в более чем один журнал одновременно;
- не пытаться осуществлять публикацию похожих рукописей, основанных на одном эксперименте;
- не заниматься фабрикацией и фальсификацией данных.

Казалось бы — всё абсолютно верно. Однако эта очевидность во многом кажущаяся, являющаяся таковой лишь на первый, довольно поверхностный взгляд. Если же подойти к рассмотрению проблемы с некоторых действительно нестандартных, нешаблонных позиций, позволяющих не только скользить по её поверхности, но и увидеть во всей глубине и многообразии, то выводы могут оказаться весьма интересными. Возможность убедиться в этом позволяет представленный ниже неконвенциональный подход к рассмотрению проблемы.

В первую очередь представляется необходимым более основательно и с нестандартных позиций подойти к рассмотрению вопросов о *плагиате*.

Не вызывает ни малейшего сомнения справедливость утверждения о том, что откровенный плагиат — занятие унижительное и безнравственное. Благо для борьбы с ним разработаны и непрерывно совершенствуются автоматизированные системы типа «Антиплагиат», призванные не только бороться с этим злом, но и способствовать повышению качества публикуемых материалов. Однако способы использования этих систем являются пока ещё не только несовершенными, но и зачастую откровенно нелепыми и даже абсурдными. К сожалению, эта «болезнь» весьма распространена и среди научных изданий, что доставляет немало неоправданных дополнительных хлопот авторам публикуемых материалов и негативно отражается на их качестве. Довольно глубоко и разнопланово эта проблема рассмотрена в статье «"Крамола" и "ересь" об антиплагиате» [1].

Здесь уместно остановиться только на некоторых аспектах данной проблематики.

Действительно, что может быть в научной статье ценнее, чем оригинальность? Особенно если она на уровне 90% и выше, как этого требуют не только зарубежные, но и многие российские журналы, стремящиеся любой ценой попасть в базы данных SCOPUS и Web of Science. По-видимому, именно этим неизбывным желанием обусловлены и крайне жёсткие требования, когда «копирование хотя бы одного предложения <...> даже своего собственного из ранее опубликованной рукописи» рассматривается как плагиат и рекомендуется передавать смысл «другими» своими словами [2].

При этом многие из тех, кто устанавливает подобные правила по применению системы «Антиплагиат», почему-то фактически полностью игнорируют целый ряд очевидных фактов, в том числе тот, который свидетельствует, что представления об оригинальности могут быть существенно отличающимися и во многом весьма условными.

Например, что ценнее: 90-процентная «оригинальность» наукообразного словоблуда, перефразирующего и перевирающего, а нередко и откровенно уродующего содержательную суть первоисточников, или 10-процентная подлинная оригинальность, ярко просматриваемая даже на фоне позаимствованных, блестящих стилистических оборотов, принадлежащих талантливому учёному — авторам использованных первоисточников. Такая 90-процентная «компиляция» и «плагиат» может выглядеть неизмеримо порядочнее и быть значительно полезнее, чем на 90% «оригинальное» перевирание (своими словами) сути работ этих же авторов.

Если бы в каждой из несметного количества научных статей, выпускаемых в настоящее время ежедневно, было бы

на самом деле хоть с десятков процентов подлинно оригинального и полезного, пожалуй, уже все современные научные проблемы оказались бы давным-давно решёнными. Вместо этого накапливается всё больше фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что современное образование и педагогическая наука находятся в глубоком системном кризисе, в который мы продолжаем неумолимо погружаться на фоне просто баснословной «оригинальности» научных работ, достигающей 80–90% и выше!

Кому нужна подобная нелепость? Кто и зачем её намеренно провоцирует непродуманными, а зачастую и откровенно несуразными требованиями, принуждая профессорско-преподавательский состав вузов к публикационной гонке по принципу *Publish or Perish* («публикуйся или погибнешь») с демонстрацией несусветной «оригинальности» своих научных трудов (в том числе и по результатам их проверки при помощи систем типа «Антиплагиат»).

К сожалению, современная публикационная практика убедительнейшим образом свидетельствует о том, что использование этих систем в существующем ныне формате, несмотря на демонстрацию предельно жёсткого отношения к некорректным заимствованиям [3–7], *не способствует существенному повышению качества публикаций*. Их применение в настоящее время «фактически ни от чего не защищает, ничему не способствует, а лишь добавляет никчёмной суеты, помех, материального и морального вреда тем, кто действительно занят делом» [1, с. 71], чей труд может принести реальную пользу педагогической науке и образованию России.

Более того, существующая применительная практика *не только не спасает от посредственности в науке, но и ещё больше стимулирует её распространение*, выполняет довольно неприглядную роль фактора, стимулирующего развитие весьма непрезентабельных для науки способностей по перефразиро-

ванию, переформатированию, а точнее — откровенному перевиранию текстов чужих работ, вместо концентрации внимания на их смыслах и глубинной сути.

А чего стоит очевиднейшая нелепость, связанная с рассмотрением в качестве «заимствования» наличия в научных статьях и диссертациях текста из других собственных публикаций учёного, соискателя. Вся абсурдность ситуации становится особенно очевидной на фоне одного из самых главных условий допуска диссертации к защите — полноты опубликования её материалов. Налицо откровенно нелепый парадокс: чем лучше соблюдено это условие, чем полнее опубликована диссертация, тем хуже соискателю, тем ниже уровень оригинальности его работы. И всё это на фоне того факта, что сама-то диссертация, материалы которой являются первоосновой для собственных публикаций, существует на правах рукописи. Тем не менее соискатель поставлен в условия, когда перед защитой для повышения уровня оригинальности своей диссертационной работы он вынужден «изгаляться» в перефразировании своих собственных мыслей, стараясь изложить их суть «другими своими словами», что часто оказывается значительно менее удачным и в стилистическом, и в содержательном отношении.

Более того, на мой взгляд, имеются вполне веские основания утверждать, что такого рода «заимствования» не только из своих работ, но и из работ своих руководителей, консультантов являются не только правом, но и обязанностью соискателей, так как связаны с необходимостью развития их научных идей. Невозможно развивать идеи своих наставников, если не использовать их высказывания, мнения, суждения в своих работах. При этом лучше всего оставлять их такими, как они есть, во всей фразеологической индивидуальности, а не коверкать «своими словами». Таким образом, неукоснительное следование подобным искусственным и откровенно бестолковым формальностям

может служить серьёзным препятствием или даже причиной исчезновения преемственности как основы деятельности солидного учёного, научно-педагогической школы и др.

Для того чтобы борьба с плагиатом приносила пользу, необходимо более глубокое осознание истины о том, что бороться надо не со следствиями, а с их причинами. В качестве самой главной причины должна быть признана искусственно навязанная педагогическому сообществу публикационная гонка, организованная в результате неразборчивого и беспринципного подражательства так называемым европейским стандартам качества. Её «разгулу» способствует декретирование в роли «эталонных» и жёсткое навязывание весьма сомнительных для менталитета российских учёных и педагогов, сугубо технократических критериев и способов контроля качества научно-педагогической деятельности и публикационной активности, основанных на сопоставлении с целым рядом формальных индексов. Реализация такого подхода абсолютно не соответствует менталитету российских педагогов, всегда работавших не за страх, а за совесть, деятельность которых ещё сравнительно недавно (до грубейшего вмешательства бездумным принуждением к внедрению чуждых парадигм, подходов, критериев оценки педагогической деятельности) обеспечивала отечественному образованию передовые позиции (1–3 места) в мировых рейтингах. В настоящее время «благодаря» псевдореформаторским потугам, основанным на беспринципном подражательстве зарубежным требованиям и подходам, оно находится уже на 40-х позициях при выборке из 60-ти [8].

Для всех, кто искренне заинтересован в подлинной оригинальности научных работ, необходимо достаточно глубокое осознание следующих положений.

1. Под плагиатом должно подразумеваться прежде всего присвоение выявленной другими *содержательной сути* чего-либо, а не языковых средств, словосочетаний, стилистических оборотов и др., при помощи которых эта суть изложена. Подлинный плагиат — это не столько присвоение текста чужого произведения, сколько его идеи. Когда речь идёт о подлинной оригинальности, отдельные слова и фразы вообще ни при чём! Определяющим

здесь является контекст и суть, которую они выражают. Ведь при помощи одних и тех же слов становится возможным создание самых разнообразных, в том числе совершенно неповторимых по своей идее и содержательной сути, произведений.

2. Абсолютно неприемлемо определение в качестве заимствований ранее встречавшихся в работах автора языковых средств, словосочетаний, стилистики и т. п. Нелепо вынуждать автора пользоваться иными языковыми средствами, если и прежние, использованные им ранее, достаточно содержательно и точно отражают суть дела при рассмотрении иной грани той же или другой смежной проблемы. Ведь изучению одной и той же проблематики порой приходится посвящать многие годы и десятилетия. В таких условиях даже в **великом русском** может не хватить адекватных синонимических средств, и придётся употреблять менее удачные, а то и уродливые. К сожалению, подобных примеров уже и сейчас не счесть. Разве педагогической науке и образованию от этого стало лучше? Как подобное может оказаться полезным? Зачем к этому вынуждать явно не продуманными или откровенно абсурдными требованиями?

3. «Нормальные» формулировки и предложения кто-то и когда-то наверняка уже использовал, и написать что-то оригинальное, не размещённое в Сети, скоро станет абсолютно невозможным, поскольку бездонный Интернет постоянно пополняется новой информацией. Уже очень скоро любая, самая оригинальная работа автоматизированными системами типа «Антиплагиат» будет характеризоваться как 100-процентный плагиат! Как выходить из такого положения? На таком фоне как нужно относиться к уже упоминавшемуся требованию: «копирование хотя бы одного предложения <...> даже своего собственного из ранее опубликованной рукописи», должно рассматриваться как плагиат [2]?

Кстати, в данной статье уже использованы и ещё будут иметь место не только отдельные предложения, но и целые абзацы из предыдущих работ автора. Однако они посвящены изложению и обоснованию совершенно иной, безусловно оригинальной идеи — попытке демифологизации некоторых «незыблемых» требований и правил, характеризующих публикационную этику и качественный уровень научных изданий.

По поводу другого жёсткого требования публикационной этики — *недопустимости подачи одной и той же или похожих рукописей в несколько изданий* — представляется целесообразным отметить следующее.

Несмотря на прочно утвердившееся отношение редакций большинства журналов к подобным попыткам как к проявлению «дурного тона», этическому преступлению, подрыву репутации издания и т. п., позволим себе изложить некоторые «крамольные» суждения, с позиций которых становится вполне очевидной деструктивная сущность абсолютного неприятия такой возможности. Для начала достаточно напомнить, что это незыблемое правило авторской этики имеет смысл опять-таки лишь в уже упоминавшихся, искусственно созданных условиях, провоцирующих публикационную псевдоактивность. Оно может быть полезным лишь тогда, когда статьи пишут не для пользы дела, не потому, что в них есть необходимость, не потому, что авторы не могут удержаться от их написания, а для выполнения надуманных аккредитационных показателей или ради получения мизерных, унижительных поощрений в виде дополнительных бонусов, надбавок к зарплате и т. п.

Именно эти условия провоцируют появление несметного количества некачественных материалов и стремление во что бы то ни стало их опубликовать. Многолетняя практика убедительнейшим образом свидетельствует о том, что ничего хорошего от стимулирования подобной активности получиться не может. В подавляющем большинстве случаев

это отнимает у преподавателей вузов много времени и сил на практически бесполезное бумагомарание. К тому же в буйных дебрях искусственно взращенного псевдопубликационного чертополоха неизбежно теряются и гибнут незамеченными ростки действительно полезных педагогических идей и новшеств. Тем более что подлинно новое и ценное очень часто и по абсолютно объективным причинам выглядит как нечто «несуразное», нереальное, не укладывающееся в прокрустово ложе навязываемых форм псевдопубликационной активности.

Наивно рассчитывать на высокое качество научной продукции, производимой в результате искусственно навязываемой публикационной гонки, приводящей к возникновению ещё и целого вороха сопутствующих проблем материального, морального, этического характера. Наряду с появлением несметного количества низкокачественных материалов, эта гонка провоцирует:

- 1) возникновение и широкое распространение низкокачественных публикационных площадок;
- 2) завышение цен на публикации;
- 3) дополнительные траты и без того скудного преподавательского бюджета на публикации в дорогих изданиях;
- 4) вытеснение из вузов талантливых педагогов-практиков ловкими приспособленцами, значительно менее полезными в практической педагогической деятельности, но находящимися всегда на плаву благодаря публикационной псевдоактивности и т. п.

Вместе с тем на этом весьма непрезентабельном фоне публикация статьи «в более чем одном издании» *может быть вполне оправданна*. Прежде всего — во всех тех случаях, когда это способствует решению острой проблемы, о причинах, следствиях и путях решения которой должно иметь достаточно ясное представление как можно большее количество профессионалов в области образования и науки. Наличие у каждого журнала своего круга читателей

в совокупности способствует значительному увеличению вероятности ознакомления с её содержанием как можно большего количества профессионалов.

К числу таких материалов в настоящее время с полным основанием могут быть отнесены статьи, раскрывающие разрушительную суть осуществляемых на протяжении нескольких десятилетий *псевдореформ, уже нанёсших колоссальный вред образованию России*, а также работы, способствующие возрождению и активному проявлению чувств гражданского и профессионального достоинства, противодействующие неразборчивому подражательству, стадности, педагогическому невежеству и чиновничьему произволу в педагогической науке и образовании.

Широкого опубликования не в одном издании могут заслуживать работы и по другим проблемам. Главное — не доводить дело до противоположной крайности. Это весьма не просто, так как основанием для принятия решения здесь должен служить уже не чванливый снобизм в непреклонном следовании принципам и правилам, а *высочайший уровень квалификации при экспертной оценке*, позволяющий понять, насколько предлагаемый к опубликованию материал может быть полезным для российской педагогической науки и образования.

В предметном поле рассматриваемой проблемы представляется уместным обратить внимание ещё на один её важный аспект, свидетельствующий об ошибочности абсолютизации этического требования по представлению рукописи не более чем в одно издание. Несостоятельность такого подхода для российской педагогической науки заключается в следующем. С позиций сформировавшихся к настоящему времени представлений о качестве научной деятельности учёного в России, «вершиной» его публикационной активности являются публикации на английском языке в иностранных изданиях, входящих в базы данных SCOPUS, Web of Science и т. п. Сегодня вся система науки и образования в нашей стране стимулирует неистовое стремление именно к этому результату. Вместе с тем нетрудно убедиться, что данный факт в сочетании с неукоснительным выполнением рассматриваемого этического требования (публикация не более чем в одном издании)

приводит к явно негативным последствиям для отечественной науки и образования. В частности, в результате следования этим требованиям самые ценные материалы оказываются опубликованными за рубежом, а их публикация в отечественных изданиях оказывается невозможной. Из этого следует, что *лучшие умы российской науки работают прежде всего на зарубежного потребителя, а отечественные учёные и педагоги-практики фактически лишаются удобного беспроblemного ознакомления с ними.*

Кому от этого хорошо? Не является ли это одним из примеров, способствующих утверждению в педагогическом сообществе мнения о существовании структур, основной целью которых является целенаправленная деятельность по развалу российской системы образования и науки?

Далее — о соотношении экспериментальных материалов и публицистики в научных статьях по педагогике и образованию, и в этой связи — о фантомах и реалиях по поводу *фабрикаций и фальсификаций* в педагогической науке.

Надеюсь, для истинных профессионалов в современной педагогической науке не является секретом тот факт, что, во многом «благодаря» именно «безудержному экспериментированию» и основанном на его результатах «инновациям», качество образования в нашей стране за последние десятилетия уже доведено «до ручки». Прошу извинить за ненаучный сленг, но если так дело пойдёт и дальше, то уже скоро оно может окантаться и «ниже плинтуса». При этом имитация кипучей экспериментальной научной деятельности поражает своими масштабами. В этой связи, думаю, уместно привести конкретные примеры, показывающие истинную цену множества «произведений» экспериментальной педагогической науки.

Один из ярчайших примеров — «научная деятельность», посвящённая обоснованию необычайно высокой эффективности так называемой компетентностной парадигмы образования. Около двух тысяч диссертаций только за предыдущие три года! [9, 10] Нетрудно представить, сколько их защищено за четверть века её активного внедрения в образовательное пространство России. А к ним ещё несметное количество «научных» статей, в которых она представлена в роли панацеи, призванной вывести российское образование на новый качественный уровень. И в каждой диссертации, в соответствии с самыми высокими современными требованиями к научной работе, представлены и научная новизна, и теоретическая значимость, и доказательная база, и т. д.

А что в итоге? По большому счёту — мыльный пузырь, бутафорская пустышка! И для того, чтобы убедиться в этом, можно обойтись без экспериментирования. Вполне достаточно следовать широко распространённому оценочному суждению: «Практика — критерий истины». Педагогические реалии по внедрению компетентностного подхода в российскую систему образования на протяжении десятилетий убедительнейшим образом свидетельствуют о том, что он **не имеет абсолютно никаких преимуществ** перед теми, которые применялись в нашей системе образования прежде. Более того, накапливается всё больше фактов, свидетельствующих о неуклонном снижении качества как общего, так и профессионального образования в России [1, 8, 11–14].

Однако для всестороннего обоснования чего-либо масштабного и существенного опоры лишь на факты из практики и апелляции к здравому смыслу бывает недостаточно (особенно если вспомнить о суждении Гегеля, в соответствии с которым здравый смысл — это заблуждение, свойственное эпохе). Нужны веские аргументы с позиций науки. И они тоже имеются. При ближайшем рассмотрении с позиций методологиче-

ского анализа (избавленного от искажающего, конъюнктурно подкрашенного влияния «результатов экспериментирования») становятся вполне очевидными не только противоречия целого ряда его положений элементарной логике и здравому смыслу, но и теоретико-методологическая немощность его научного обоснования [11, 12]. И всё это дополняется глубоко «прочувствованной» каждым учителем и преподавателем вуза *несусветной по объёму и абсолютно ничем не компенсируемой трудозатратностью процесса его реализации, лёгшей тяжелейшим и абсолютно бесполезным бременем на их плечи* [11–13].

Педагогам приходится не только тратить уйму времени на разработку никому не нужной документации, но и десятки раз её перерабатывать из-за некачественных ФГОСов, изменений в шаблонах, требованиях и др. Причём вся эта *огромная дополнительная работа, всецело обусловленная несовершенством управленческой деятельности, осуществляется за счёт времени и сил практических педагогических работников и никак не компенсируется*. И всё это на фоне высочайшей ответственности, обременённости бесчисленными обязанностями и унижительно низкой оплаты труда педагогов, вынуждающих их работать на полторы, две и более ставок, чтобы просто выжить.

У педагогов не остаётся времени для качественной подготовки к практической образовательной деятельности, для занятий наукой, не говоря уже о бытовых заботах, посещении театров, заботы о здоровье и др. *Масштабы вреда, нанесённого образовательному процессу всем этим абсурдом, не поддаются никакому учёту и должны рассматриваться как преступление по отношению к педагогам, образованию и обществу в целом.*

Нестерпимо жаль российское многострадальное образование, коль в нём подобное оказывается возможным.

Уже около трёх десятилетий безвозвратно потрачено на обоснование и внедрение компетентностной парадигмы в образовательное пространство России. Попытки экспериментально доказать её несостоятельности могут занять ещё столько же. Это абсолютно неприемлемо на фоне вполне реальной возможности решения этой проблемы на основе использования *теоретико-методологического анализа и средств научной публицистики*.

На таком фоне «чисто научная» позиция вряд ли может рассматриваться как более полезная и предпочтительная, чем публицистический анализ и обобщения. Иначе получается, что вместо содействия пониманию — в чём дело и что надо делать — полезнее продолжать плутать в чертополохе надуманной инновационности, фрагментарного и в большинстве случаев абсолютно бесплодного экспериментирования, армированного лишь напористой декларативностью и ярко раскрашенного наукообразным словоблудием. *Очень трудно представить, что для российского образования это полезнее.*

Данное обстоятельство свидетельствует о насущной необходимости более глубокого осознания того факта, что системный анализ и обобщения в педагогической науке и образовании — это «покруче» любого экспериментирования, это действительно «высший пилотаж», на который редко кто может отважиться. Во многом именно по этой причине имеет место явный недостаток работ методологического и обзорно-аналитического содержания. На таком фоне абсолютный приоритет материалам экспериментального характера выглядит противоречащим и элементарной логике, и здравому смыслу, и интересам педагогической науки.

В таких условиях становится необходимым более основательное осмысление *публикационной политики* некоторых российских научных изданий педагогической направленности, позиционирующих себя в роли ведущих. Для достижения этой цели представляется целесообразным попытаться на конкретных примерах определить истинную цену и последствия откровенно претенциозного отношения к материалам, представляемым в научно-публицистическом стиле, по сравнению с материалами, подготовленными на экспериментальной основе.

Весьма ярким и наглядным поводом для такого осмысления могут послужить ситуации из публикационной практики автора этих строк, сложившейся в процессе попыток опубликования материалов обзорно-аналитического содержания, представляемых с элементами публицистики, в некоторых ведущих журналах России.

Вначале надо признать, что в процессе дискуссии с главным редактором одного из них (условно присвоим ему литеру «А») довольно быстро был достигнут консенсус в представлении о том, что фундаментом научности текста являются не критерии научности, известные из курса «Философия науки», и не параметры «ВАКовской науки» (типа «оригинальности и новизны»), а нравственные, т. е. метафизические, категории — честь и совесть автора, редактора и эксперта». Когда же дело дошло до принятия решения по поводу опубликования статьи «“Крамола” и “ересь” об антиплагиате», последовало безапелляционное заявление: «Публицистику мы печатать не будем».

При этом мотивы отказа на первый взгляд выглядели вполне убедительными. Это забота членов редакционного совета о «научности журнала», о том, что «методы аргументации должны быть точными». «Нужно полное исследование с международными источниками и фактами...» «Эмоции недопустимы в научном журнале. Надо не махать руками, а целенаправленно добиваться качественных изменений, и только научными методами, иначе нам просто покрутят у виска и будут правы».

С таких позиций представление материала в обзорно-аналитическом стиле с элементами публицистики оказалось основанием для отказа в опубликовании научной работы. И это несмотря на то, что в ней проанализированы вопиющие факты, оказывающие крайне негативное воздействие на процессы развития педагогической науки и образования

в России. В качестве «облегчающего» обстоятельства не послужил и тот факт, что на основе представленных в работе анализа и обобщений сформулирована целая дюжина конкретных выводов и рекомендаций, благодаря которым любой студент, а тем более учёный-педагог или ответственный чиновник при желании вполне могут правильно оценить сложившуюся ситуацию и лучше понять, что и как надо делать.

Редакцию журнала никак не впечатлило и то обстоятельство, что в статье представлены анализ и обобщение фактов, без осмысления которых невозможно нормальное функционирование и развитие образования, правильный выбор направлений процесса экспериментирования и постановка его на более высокий качественный уровень, *невозможно понимание, чего оно вообще стоит.*

При этом немало удивил и покорибл откровенно нелепый, «дискриминационный (по отношению к специфике научных специальностей) аргумент»: «...и если кто прочтёт <...> ещё и место работы автора (кафедра теории и методики физической культуры), то просто не воспримут всерьёз и забудут через две минуты. И попутно запишут человека в “городские сумасшедшие”».

В этой связи, во-первых, откровенно жаль коллег за проявление эдакой спеси. А во-вторых, представляется уместным вопрос: «А всем нам разве не крутят у виска и не принимают за сумасшедших те, кто уже около трёх десятков лет является главными “творцами” описанных в статье нелепостей, откровенного абсурда и педагогического невежества?» В том числе «ведущие» научные организации, которые не только устанавливают абсурдные «правила» по применению «Антиплагиата», но и позиционируют себя в качестве научного авангарда в решении проблем педагогической науки и модернизации российского образования [3, 4].

На фоне плачевных результатов реализации иницируемых ими «идей» и «инновационных

подходов» уместно также спросить: «При чём здесь экспериментальная наука, доказательная база “с международными источниками и фактами”, когда всё это безобразие происходит в нашей стране на глазах у всех и лежит прямо на поверхности?» А мы с этим поделать ничего не можем [1].

О каком приоритете «чистой» науки может идти речь на фоне демонстрации откровенного педагогического невежества, абсурда и чиновничьего произвола в образовании и педагогической науке? Наука в таких условиях неизбежно начинает приспосабливаться и выполнять роль своеобразной «служанки» у чиновников от образования. Именно в этой роли в настоящее время выступают не только отдельные учёные, но и целые научные коллективы, а фактически и вся РАО [8, 13, 14]! В таких условиях непреклонное предпочтение результатам экспериментирования, «чистой науке» представляет собой свидетельство как минимум оторванности от реалий. От него начинает веять откровенным ханжеством и снобизмом, являющимися следствием довольно неуместных попыток подражания маститым зарубежным изданиям, которые абсолютно не вяжутся с реальностью, с тем, что в настоящий момент наиболее полезно и важно именно для российской педагогической науки и образования. Подготовка статьи об «Антиплагиате» была обусловлена именно отсутствием категорического неприятия существующего крайне неблагоприятного положения дел и соответствующей реакции со стороны Минобрнауки и педагогического сообщества. Чему, на мой взгляд, нет никакого оправдания.

Ещё более впечатляющей является история с попыткой опубликования статьи «Системный кризис образования в России: признаки и их анализ» в другом журнале (обозначим его литерой «Б»), тоже зарегистрированном в базе данных SCOPUS и позиционирующем себя в качестве ведущего в области педагогики и образования не только в России, но и за рубежом.

Вначале удивила «молниеносность» ответа с отказом, заставившая предположить о серьёзном сбое системы рецензирования поступающих материалов. Обычно там, где работа поставлена достаточно серьёзно и основательно, на это уходят недели, а то и месяцы. В данном же случае на это понадобилось менее суток, и создавалось впечатление, что решения принимаются не редакционным советом, а менеджером, призванным выполнять сугубо технические функции. При этом опять-таки в качестве главной причины отказа явилось отсутствие в работе экспериментального материала.

Реагируя на эту аргументацию, пришлось напомнить, что журнал по своему названию не «экспериментального», а «современного» (contemporary) образования и что наиболее яркой отличительной чертой современности является его тяжелейшее кризисное состояние, обуславливающее исключительную актуальность содержания статьи. На этих основаниях была сформулирована просьба — дать более аргументированное обоснование отказа в опубликовании.

При этом обращение не было связано с желанием непременно оказаться в числе авторов издания. Как учёного, весьма обеспокоенного состоянием образования в России, меня искренне интересовали конкретные аргументы рецензентов и редакционного совета, послужившие основанием для отказа в публикации, а также *причины отсутствия должного внимания к тому, к чему безразлично относятся учёные-педагоги просто не могут*. Всё это было необходимо для лучшей ориентации и понимания позиции журнала, а также планирования и корректирования своей дальнейшей публикационной деятельности.

В ответ — глухое молчание, с последующим абсолютным игнорированием ещё трёх подобных обращений. Несмотря на это, всё же теплилась надежда, что происходящее — некое досадное недоразумение, что по каким-то непостижимым причинам письма просто не доходят до редколлегии журнала. Иначе как же тогда быть с представлениями о *профессионализме, интеллигентности, общечеловеческом такте* и т. п.

Ситуация прояснилась только после обращения на личный электронный адрес главного редактора журнала. К сожалению, полностью подтвердились предположения, которые никак не делают чести данному изданию. Выяснилось, что действительно в подобных историях «бал правит» менеджер, а не редакторы и редакционный совет. Причём менеджер позволяла себе делать это практически не глядя, «с листа», демонстрируя абсолютную безответственность и дилетантство. Впечатляет и степень беспардонности, выразившаяся не только в абсолютном игнорировании обращений, но и в невыполнении своих прямых обязанностей — ставить о них в известность редакторов и членов редакционного совета. Всё это было усугублено откровенной ложью уже главному редактору о том, что отказ в опубликовании был сделан на основе отрицательных результатов «слепого» рецензирования от двух рецензентов. На просьбу предоставить эти рецензии был дан ответ, что они уже удалены из базы данных. Однако то, что всё это откровенная ложь, вытекает уже из того неопровержимого факта, что статья была отправлена в редакцию 5 июня 2017 г. в 22:32, а ответ был получен 6 июня 2017 г. в 12:06. Трудно представить, чтобы оба «слепых» рецензента с абсолютно необъяснимой и совершенно беспричинной самоотверженностью, а тем более ещё и столь синхронно, «сработали» во второй половине ночи для того, чтобы, по сути, к началу рабочего дня представить свои рецензии менеджеру.

Удивительно. Ведь всё это — откровеннейшая самодискредитация солидного научного издания! Трудно представить, почему редакция и редакционный совет могут мириться со всем этим безобразием, но факт налицо, а менеджер *и сейчас трудится на прежнем месте*. При этом весьма показательной является информация о стиле и качестве рецензирования научных работ. Как следует уже из ответа главного редактора,

«что касается лаконичности отказов в публикации, то тут “законодатель мод” — компания Ельзивер, которая просто отмечает, что рукопись не соответствует нашим стандартам и всё!» В таком случае опять-таки зачем редакторы, редакционный совет? Получается, что главная их функция — служить бутафорским прикрытием издательского беспредела? Вот вам и авторитетное издание, входящее в международные базы данных SCOPUS и позиционирующее себя в качестве ведущего не только в России, но и в Европе.

В заключение столь пренеприятного и горестного повествования необходимо особо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, несмотря на всю жёсткость и бескомпромиссность содержания, написание данной статьи обусловлено не желанием очернения ведущих российских педагогических изданий, а искренним и глубоким огорчением из-за неудовлетворительного состояния затронутых в ней проблем. Совесть и профессиональное достоинство не позволяют относиться к происходящему равнодушно, не реагировать на недопустимое. Нельзя продолжать мириться с чиновничьим и академическим чванством, педагогическим невежеством, бюрократическим беспределом, с одной стороны, и безразличием, безнадёжной покорностью — с другой. *Ведь следствием всего этого и является тяжелейший кризис образования в России.*

Во-вторых, особого внимания заслуживает тот весьма позитивный факт, что обе неприятные статьи в конечном итоге были опубликованы в журналах «Педагогика» и «Народное образование». При этом немаловажно также подчеркнуть, что они сразу же получили и продолжают получать множество положительных откликов, постоянно находятся на высших ступенях рейтинга по количеству просмотров, покупок, цитирований и др.

Таким образом, имеются весьма веские основания утверждать, что журналы «Педаго-

гика» и «Народное образование», несмотря на свои заметно более низкие рейтинги в зарубежных системах индексации, чем те издания, о которых шла речь выше, на деле приносят значительно больше пользы российской педагогической науке и образованию как с научной, так и с практической точек зрения.

Выводы

1. Сложившиеся к настоящему времени представления о необходимости безусловного, безоговорочного и непреклонного следования существующим правилам публикационной этики далеко не всегда являются конструктивными, а в отдельных случаях оказывают негативное влияние на выполнение научной периодикой своей главной функции — распространения, популяризации научной информации и активного содействия тем самым развитию науки и образования в России. При этом имеются достаточные основания утверждать, что некоторые из декларируемых требований и правил не имеют под собой необходимой принципиальной основы. Если бы в их основе лежали действительно фундаментальные, объективно обусловленные принципиальные положения, то представление фактов, свидетельствующих об их деструктивном влиянии, было бы невозможно.

2. В настоящее время назрела необходимость создания условий, способствующих выбору более адекватных путей совершенствования публикационной политики, убеждающей от неразборчивого подражательства зарубежным маститым изданиям, от стремления любыми путями добиться соответствия публикаций их требованиям. Это становится всё более актуальным на фоне многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что *многие из этих требований и правил, являясь чрезмерными в своей формальной основе, далеко не всегда являются гарантией высокого качества публикаций в их содержательном плане.*

3. Сейчас, как никогда ранее, необходимо более глубокое осознание того, что именно должно рассматриваться в качестве фундаментального мерила подлинной научной и практической ценности научного текста. На мой взгляд, как это и было прежде, к таковым должны быть отнесены в первую очередь нравственные категории — честь, совесть, а также профессионализм автора, эксперта, редактора, а не параметры «ВАКовской науки» типа оригинальности, новизны и др. и тем более не результаты машинного анализа текстов системами типа «Антиплагиат», которые должны рассматриваться лишь в качестве сугубо вспомогательного средства. «Высшее преступление против науки России — возводить плагиатный психоз в рамки добродетели»... Подобно тому, как ВАДА организовала травлю российских спортсменов, внутри России прозападные силы устроили финансируемую из-за рубежа травлю научных работников, причём похожими «родченковскими» [15].

4. На фоне представленных в данной работе фактов и результатов их анализа становится вполне очевидным, что широко распространённая и жёстко навязываемая многими изданиями педагогического профиля предпочтительность к сугубо экспериментальным работам выглядит по меньшей мере странно, а в ряде случаев — совершенно неоправданно. Сама по себе та или иная позиция — чисто научная или публицистическая — не самоцель и не приговор. *Главное — результат, приближающий к истинному знанию и пониманию проблемы.* Вряд ли можно категорически утверждать, что научная позиция в процессе достижения такого результата всегда полезнее, чем публицистическая. Материалы обзорно-аналитического, научно-публицистического характера могут приносить несоизмеримо больше пользы для педагогической науки и образования, чем явно избыточные, буквально заплонившие в настоящее время страницы периодических изданий, разрозненные «экспериментальные» данные сугубо частного порядка, множество из которых откровенно страдают конъюнктурно окрашенной «доказательностью».

5. В решении проблемы повышения качества публикаций и принесения реальной пользы науке и образованию необходимо исходить

из понимания того, что системный анализ и обобщения в педагогической науке — это своеобразный «высший пилотаж», на который редко кто может отважиться. В этой связи также уместно напомнить и о том, что многие великие педагогические идеи, положения, принципы были сформулированы Я. А. Коменским, Ж.-Ж. Руссо, М. Э. Монтенем, И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинским и др. отнюдь не на основе экспериментирования. К тому же целый ряд из них изложен не в научном, а в публицистическом и даже в художественном стиле. Однако, несмотря на этот «явный недостаток» (с позиций приверженцев экспериментальной педагогической науки), их непреходящее значение для мировой культуры, педагогики и образования невозможно переоценить.

6. Представленные в работе факты негативного влияния плагиатного психоза и неоправданной абсолютизации некоторых этических требований по представлению рукописей научных работ для их издания — это всего лишь некоторые из множества примеров, свидетельствующих не только о крайне негативных последствиях слепого подражательства и ханжества в борьбе с плагиатом и заботой о соблюдении публикационной этики. Самым прискорбным является то, что *в своей совокупности они представляют собой свидетельства осуществления целенаправленных воздействий по разрушению педагогической науки и образования в России.* «В стране развёрнут рецензионно-хиршицкий-плагиатный психоз», «...навязывается режим публикаций в пользу западных баз индексирования...», «налицо прямое нарушение свободы слова и права на публикацию своих научных статей...». «Происходит идиотизм под видом, что это якобы требования времени. На самом деле — это бизнес-проект Запада, в том числе по контролю над идеями, информацией...» «Опасность заключается в том, что подобная практика устроена

с санкции Министерства образования и возведена в ранг государственной добродетели. А это просто подрыв национальной безопасности» [15].

Заключение

Можно с непоколебимым упрямством всегда утверждать, что принципы — прежде всего. Действительно, в целом принципы и принципиальность — это очень хорошо. Но только в том случае, когда то, что возведено в ранг принципов, на самом деле являются таковыми. Для этого они должны отвечать как минимум следующим требованиям: не быть надуманными; опираться на объективные основания, не позволяющие поступать иначе; приносить пользу или хотя бы не вредить делу. Если хоть одному из этих условий они не соответствуют, то это вовсе и не принципы, а упрямое следование им, это отнюдь не принципиальность, а нечто иное (например, ханжество, снобизм, чванство).

Из представленных в данной работе материалов следует логически и фактологически обусловленное суждение о том, что для содействия решению проблемы качества публикаций и принесения большей пользы российской педагогической науке редакциям ведущих отечественных журналов необходимо избавляться от неразборчивого подражательства зарубежным изданиям, нередко выливающегося в проявления холодного равнодушия, формализма, ханжества и снобизма, чуждых российскому менталитету и не способствующих более полной реализации научного потенциала российской науки. *Необходимо избавляться от уже прочно вошедшего в моду неизбывного стремления «мериться Хищниками», поклоняться другим, изобретённым за рубежом, индексам, и думать прежде всего не о соответствии им,*

а о реальной пользе для российской науки и образования.

В этой связи, думаю, уместно напоминание об истине, в соответствии с которой для обретения собственного лица и подлинного авторитета в любой сфере деятельности необходимо по меньшей мере избавление от подражательства. Выбору правильной позиции может также поспособствовать и народная мудрость, заключённая в широко известной пословице: «Что русскому хорошо, то немцу — смерть», и её интерпретации, принадлежащей перу академика И. П. Павлова: «То, что здорово немцу, то русскому — смерть».

Вряд ли имеет смысл дискутировать — хорошо это или плохо. В этих пословицах находит своё отражение объективная данность, сформировавшаяся в веках в результате исторических, геополитических, конфессиональных, генетических, духовных особенностей общественного развития различных человеческих сообществ. Невольное, а тем более — преднамеренное игнорирование этих особенностей и различий неизбежно приводит к существенному снижению качества и результативности любой деятельности. Широкие возможности убедиться в этом нам представляет современная реальность, сложившаяся в системе образования России в результате беспринципного копирования и принуждения к внедрению чуждых для российского образования откровенно технократических, экономцентристских парадигм, подходов и технологий, преследующих цель «переформатирования» системы российского образования и переориентирования его вектора в направлении к банальному услужению вместо великой миссии служения [13]. **НО**

Список использованных источников

1. Лукьяненко, В. П. «Крамола» и «ересь» об антиплагиате / В. П. Лукьяненко // Народное образование. — 2018. — № 5. — С. 63–77.
2. European Journal of Contemporary Education (Европейский журнал современного образования): международный двуязычный научный журнал. Миссия журнала. — URL: <http://ejournal1.com> (дата обращения: 07.08.2019). Публикационная этика. — URL: <http://ejournal1.com/ru/publikatsionnaya-etika.html> (дата обращения: 07.08.2019).

3. Положение о порядке проведения проверки отчётов по научно-исследовательским работам на наличие неоригинального текста (технического заимствования), заимствования и/или необоснованного самоцитирования. Утверждено приказом НИУ ВШЭ от 12.11.2012. — № 6.18.1-06/1211-07.
4. Регламент оценки публикационной активности работников Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2018 г. — URL: file:///F:/АНТИПЛАГИАТ_иатериал/Антиплагиат1/Регламенты/Публ.акть%20ВШЭ.pdf
5. Авдеева, Н. В. Система «Антиплагиат.РГБ» и недобросовестные авторы диссертаций: кто победит? / Н. В. Авдеева, О. В. Никулина, А. М. Сологубов // Научная периодика: проблемы и решения. — 2012. — Т. 5 (11). — С. 11–16.
6. Котляров, И. Д. Самоплагиат в научных публикациях / И. Д. Котляров // Научная периодика: проблемы и решения. — 2011. — Т. 4 (4). — С. 6–12.
7. Плещенко, В. И. О плагиате в научных публикациях и выпускных работах / В. И. Плещенко // Высшее образование в России. — 2018. — № 8–9. — С. 62–69.
8. Загвязинский, В. И. О системном подходе к реформированию отечественного образования / В. И. Загвязинский // Педагогика. — 2016. — № 1. — С. 12–18.
9. Хуторской, А. В. Общедоступная группа: «Компетентностный подход в образовании» / А. В. Хуторской. — URL: <https://www.facebook.com/groups/eidos.competence/permalink/1948944465384197/> (дата обращения: 13.09.2017).
10. Хуторской, А. В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования / А. В. Хуторской // Высшее образование в России. — 2017. — № 12 (218). — С. 85–91.
11. Лукьяненко, В. П. Компетентностный подход в системе образования России: на острие проблем / В. П. Лукьяненко // Народное образование. — 2015. — № 9. — С. 12–19.
12. Лукьяненко, В. П. Компетентностный подход: оценка эффективности с позиций методологического анализа / В. П. Лукьяненко // Народное образование. — 2016. — № 1. — С. 18–27.
13. Лукьяненко, В. П. Системный кризис образования в России: признаки и их анализ / В. П. Лукьяненко // Педагогика, 2018. — № 1. — С. 22–32.
14. Бозиев, Р. С. Отечественная педагогика и образование: между прошлым и будущим / Р. С. Бозиев, А. И. Донцов // Педагогика. — 2016. — № 1. — С. 3–11 (6–7).
15. Сухарев, О. С. Бюрократические отчёты и разглагольствования при «реформаторской» травле русских учёных: грустные размышления экономиста О. Сухарева по итогам общения Президента с Российским союзом ректоров / О. С. Сухарев // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. — URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/05/01/byurokraticheskie_otchyoty_i_razglagolstvovaniya_pri_reformatorskoj_travle_russkih_uchenyh/ (дата обращения: 17.08.2019).

Sedition About Publishing Policy And Publication Ethics In Scientific Publications On The Problems Of Education In Russia

Viktor P. Lukyanenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Culture and Sports of the North Caucasus Federal University, Stavropol, viktor246@mail.ru

Abstract: The article attempts to demythologize some of the unshakable requirements and rules that characterize the publishing policy, publication ethics and the quality level of scientific publications. The problems of plagiarism are considered from non-standard positions. The insufficient validity of preferences for articles based on experimental material is shown in comparison with works of a review-analytical, scientific-journalistic nature in leading journals on pedagogy and education, which, according to the author, require their serious rethinking in modern Russian publishing practice. Special attention is paid to the study of the role of scientific periodicals of pedagogical orientation in overcoming the deep systemic crisis in which education in Russia is located.

Keywords: pedagogical science, periodicals, publication ethics, plagiarism, fabrications, falsifications, quality of scientific publications, crisis of education, correlation of science and journalism.

References

1. Luk'yanenko, V. P. «Kramola» i «eres'» ob antiplagate / V. P. Luk'yanenko // Narodnoe obrazovanie. — 2018. — № 5. — С. 63–77.

2. European Journal of Contemporary Education (Evropejskij zhurnal sovremennogo obrazovaniya): mezhdunarodnyj dvuyazychnyj nauchnyj zhurnal. Missiya zhurnala. — URL: <http://ejournal1.com> (data obrashcheniya: 07.08.2019). Publikacionnaya etika. — URL: <http://ejournal1.com/ru/publikatsionnaya-etika.html> (data obrashcheniya: 07.08.2019)
3. Polozhenie o poryadke provedeniya proverki otchyotov po nauchno-issledovatel'skim rabotam na nalichie neoriginal'nogo teksta (tekhnicheskogo za-imstvovaniya), zaimstvovaniya i/ili neobosnovannogo samocitirovaniya. Utverzhdeno prikazom NIU VSHE ot 12.11.2012. — № 6.18.1—06/1211—07.
4. Reglament ocenki publikacionnoj aktivnosti rabotnikov Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» v 2018 g. — URL: file:///F:/ANTIPLAGIAT_iaterial/Antiplagiat1/Reglamenty/Publ.akt'%20VSHE.pdf
5. Avdeeva, N. V. Sistema «Antiplagiat.RGB» i nedobrosovestnye avtory dissertacij: kto pobedit? / N. V. Avdeeva, O. V. Nikulina, A. M. Sologubov // Nauchnaya periodika: problemy i resheniya. — 2012. — T. 5 (11). — С. 11—16.
6. Kotlyarov, I. D. Samoplagiat v nauchnykh publikacijah / I. D. Kotlyarov // Nauchnaya periodika: problemy i resheniya. — 2011. — T. 4 (4). — С. 6—12.
7. Pleshchenko, V. I. O plagiate v nauchnykh publikacijah i vypusknykh rabotah / V. I. Pleshchenko // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2018. — 30 8—9. — С. 62—69.
8. Zagvyazinskij, V. I. O sistemnom podhode k reformirovaniyu otechestvennogo obrazovaniya / V. I. Zagvyazinskij // Pedagogika. — 2016. — № 1. — С. 12—18.
9. Hutorskoj, A. V. Obshchedostupnaya gruppy: «Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii» / A. V. Hutorskoj. — URL: <https://www.facebook.com/groups/eidos.competence/permalink/1948944465384197/> (data obrashcheniya: 13.09.2017).
10. Hutorskoj, A. V. Metodologicheskie osnovaniya primeneniya kompetentno-stnogo podhoda k proektirovaniyu obrazovaniya / A. V. Hutorskoj // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2017. — № 12 (218). — С. 85—91.
11. Luk'yanenko, V. P. Kompetentnostnyj podhod v sisteme obrazovaniya Ros-sii: na ostrie problem / V. P. Luk'yanenko // Narodnoe obrazovanie. — 2015. — № 9. — С. 12—19.
12. Luk'yanenko, V. P. Kompetentnostnyj podhod: ocenka effektivnosti s pozicij metodologicheskogo analiza / V. P. Luk'yanenko // Narodnoe obrazovanie. — 2016. — № 1. — С. 18—27.
13. Luk'yanenko, V. P. Sistemnyj krizis obrazovaniya v Rossii: priznaki i ih analiz / V. P. Luk'yanenko // Pedagogika, 2018. — № 1. — С. 22—32.
14. Boziev, R. S. Otechestvennaya pedagogika i obrazovanie: mezhdru proshlym i budushchim / R. S. Boziev, A. I. Doncov // Pedagogika. — 2016. — № 1. — С. 3—11 (6—7).
15. Suharev, O. S. Byurokraticheskie otchyoty i razglagol'stvovaniya pri «reformatorskoj» travle russkih uchonyh: grustnye razmyshleniya ekonomista O. Suhareva po itogam obshcheniya Prezidenta s Rossijskim soyuzom rektorov / O. S. Suharev // Russkaya narodnaya liniya: informacionno-analiticheskaya sluzhba. — URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/05/01/byurokraticheskie_otchyoty_i_razglagolstvovaniya_pri_reformatorskoj_travle_russkih_uchenih/ (data obrashcheniya: 17.08.2019).